

Я открыл глаза и увидел белый потолок. Резкий запах дезинфицирующего средства. «Ах, больница». Никогда не думал, что это станет моей историей. Левая рука не двигалась, она была крепко зафиксирована. Правая рука была подключена к капельнице, так что я не мог пошевелиться.

Подошла медсестра, проверила мое состояние и спросила, куда делся мой опекун. Я невольно ответил, что он, наверное, на работе. Я уже собирался продиктовать номера мамы и сестры, как вдруг...

— Извините. Я только что разговаривал по телефону... Я опекун ученика Чо Хёну.

Кто-то поспешно подошел ко мне. Какой опекун? Ах, Чо Хёну. Это школьный учитель по санитарному просвещению.

— Хёну, тебе нигде не больно или неудобно?

— Мне не больно, но я устал.

— Хорошо, какое облегчение. Подожди немного. Скоро придет врач.

Пока я спал, большинство обследований и процедур, кажется, уже были проведены. Мое туманное сознание полностью прояснилось, как только пришел врач. Сначала он показал мне какую-то фотографию, и я подумал, что это такое, а оказалось, это МРТ.

Последовало объяснение за объяснением. Чем больше я слушал, тем более абсурдным все казалось. Во-первых, я не спал, а потерял сознание. Врач сказал, что с внутренними органами, такими как мозг или сердце, все в порядке, и мое вялое состояние вызвано шоком и стрессом, поэтому мне нужно отдохнуть. А затем он снова указал на снимок. Что это? Это ваша рука, пациент. Что? Моя рука?

В плечевой кости, ближе к плечу, появилась трещина. К счастью, повреждение было несерьезным, и можно было просто наложить гипс и наблюдать. Кроме того, были повреждения связок и мышц и так далее. В конце концов, брови доктора, который до этого сохранял спокойствие, нахмурились.

— У пациента серьезный дефицит питания. И очень низкое кровяное давление. Мы поставили капельницу, но это не решит проблему. Правильно питайтесь и достаточно отдыхайте. Это БОЛЬШАЯ проблема, чем трещина.

«.....»

Врач сказал, что я могу выписаться после того, как мне сделают все капельницы, и что мне нужно будет ежедневно проходить амбулаторное лечение в течение некоторого времени, и

ушел. У меня навернулись слезы. Как осторожно я жил до сих пор. Трещина в кости, капельница — все это впервые.

— Учитель...

В голосе не было сил. Даже мне было жаль себя.

— Да, Хёну. Тебе что-нибудь нужно?

— Моя школьная форма...

Хан Уджу одолжил ее мне, но ее нигде не было видно.

— Ах... брюки отдали на сохранение. А рубашку пришлось разрезать.

С ума сойти...

— Мой телефон...

— Он у меня. Положу рядом.

— Спасибо. И это...

— Да?

— Вы слышали что-нибудь о Хан Уджу и Ин Хасоне?

— Я только что разговаривал с ними по телефону. Кажется, ничего серьезного не произошло. Классный руководитель придет позже, лучше спросить у него.

— Да... Спасибо.

Похоже, Ин Хасон не умер. Это хорошо. Учитель извинился и вышел из палаты. Он выглядел занятым, куда-то звонил.

«Похоже, у Чо Хёну действительно никого нет».

Разве это не повод для проверки? Его опекун — учитель, и о семье ни слова... Даже если просто простынешь, и рядом никого нет, становится грустно, а Чо Хёну привезли в скорую, и

он все равно один. На всякий случай я проверил телефон. Классный руководитель, друзья Чо Хёну и Со Ёнджун — это все контакты?

«С ума сойти».

Думал, что это все, но есть еще один. Начальник с подработки. Он был очень зол, что я снова опоздал, как и вчера. Он что-то бормотал о добросовестности, о том, чтобы урезать почасовую оплату. Он и так платит минимальную зарплату. Что он собирается урезать? Мне больно, а меня еще и ругают, что раздражает вдвойне. Я просто проверил сообщение от Со Ёнджуна.

Со Ёнджун: Можешь не беспокоиться. Они вроде не сильно пострадали? А что с тобой, Хёну?

Со Ёнджун: Нет, я не имею в виду, что хотел бы, чтобы они пострадали;; Понимаешь, что я имею в виду?

Со Ёнджун: О, родители Ин Хасона пришли. Кричат.

Со Ёнджун: Я хотел посмотреть, что произошло, но меня выгнали из учительской. Не знаю, что случилось. Извини...

Со Ёнджун: Ты хоть в порядке? Не обязательно отвечать. Я просто беспокоюсь. Хорошо лечись и хорошенько отдохни.

«.....»

Спасибо за сообщение, но у меня нет сил отвечать. Я отложил телефон и снова закрыл глаза. Посреди ночи позвонил начальник с подработки, и я объяснил ему ситуацию. И меня уволили. Черт бы побрал этого начальника. В любом случае, с такой рукой я не смог бы работать в зале, но настроение испорчено. Одна мысль об этом раздражает, и я быстро выкидываю ее из головы.

Когда мне уже поставили всю капельницу, пришел классный руководитель с кашей и одеждой. У меня было много вопросов, но вместо этого мне пришлось отвечать.

Что произошло между Хан Уджу и Ин Хасоном, почему я оказался там и как вмешался, причины драки и так далее. Я отвечал кое-как, но вопросы постоянно переходили на Хан Уджу.

— Хёну, говорят, ты в последнее время везде с Уджу ходишь. Сегодня вы с Уджу вместе опоздали.

— Да.

— Если Уджу что-то от тебя требует или принуждает...

— Что?

— Сейчас здесь только мы, так что можешь говорить, Хёну.

Это просто смешно. Что это еще такое? Я прямо посмотрел на учителя и твердо сказал:

— Мне нечего сказать.

— Правда?

— Мы сидим рядом, в прошлом году были в одном классе, а недавно появился повод поговорить, и мы подружались. Что он со мной делает? Почему вы задаете такие вопросы?

— Хёну.

— Хан Уджу мой друг. Уджу ничего от меня не требовал и не принуждал.

«.....»

— Меня толкнул Ин Хасон, я не понимаю, почему вы все время говорите только о Хан Уджу.

— Ну, это... Хасон обычно такой прилежный...

«.....»

— Ох, вот те на. Извините.

Что с классным руководителем? Ин Хасон обычно прилежный? Это то, что он должен говорить мне? Что-то здесь не так. Школьники и классный руководитель недолюбливают Хан Уджу. В начале игры репутация Хан Уджу никогда не была такой плохой, но я не знаю, что изменилось. Хотя это раздражает, я не могу в этом разобраться прямо сейчас.

Когда я вышел после оформления выписки, на улице было темно. Я отчаянно отказывался от предложения классного руководителя подвезти меня до дома. Я не знал пароля от дома, но больше всего не хотел оставаться с классным руководителем наедине.

Будь осторожен. Да, спасибо. Заходите. После обмена шаблонными прощениями, когда я собирался уходить, классный руководитель снова позвал меня.

— Хёну. Ин Хасон и его родители заезжали в больницу?

— Не знаю. Я их в больнице не видел.

— Хм.

— Что-то случилось?

— Кто-то уже оплатил больничные счета. Может, твои родители...

— Не приходили.

— ...Хорошо, извини. Ты, не беспокойся об этом. Тогда до завтра.

И так классный руководитель ушел, оставив меня с кучей поводов для беспокойства. Все, что у меня осталось, — это порванная школьная форма, телефон и пакет с кашей, купленной классным руководителем. Вроде ничего особенного, носу сломанной рукой все казалось тяжелым и неудобным.

«Может, стоило как-нибудь остаться в больнице?»

Теперь мне некуда идти. Вчера у меня не было денег, дома и семьи, а сегодня я еще и лишился одной руки. Я до такой степени боюсь, что будет завтра.

Я собирался найти место, где можно было бы сесть. Сложить вещи и хотя бы посмотреть в телефон.

В этот момент кто-то внезапно потянул за пакет, который я держал. Правая рука мгновенно опустела. Это все мое состояние... Я подумал, что меня еще и ограбили. К счастью, этого не произошло. Знакомое лицо.

— Когда это он кашу купил?

— ...Почему ты здесь?

— Навестить пришел.

Хан Уджу заглянул внутрь пакета и прищурился.

— Это моя школьная форма?

— ...Сказали, что пришлось разрезать во время лечения. Извини.

— А то, что на тебе сейчас?

— То, что классный руководитель купил. Кашу тоже он дал.

— Отстой.

— С языка снял.

Он безразлично взял мои вещи и заговорил, как обычно. Это было мелочью, но это было именно то, что мне сейчас больше всего нужно. У меня снова навернулись слезы, и я опустил голову.

— Что делаешь? Будешь здесь стоять?

— А?

— Тебе нравится валяться на улице?

— Что...?

— Что лучше: улица, стена, потолок или комната с кроватью?

Это что, вопрос?

— Комната лучше.

— Тогда пойдём.

— ...Куда?

Хан Уджу прошел пару шагов вперед, затем обернулся и сказал:

— Домой.

Я уговорил Хан Уджу не вызывать такси. Целый день я лежал, и тело затекло, поэтому мне захотелось прогуляться. Примерно 40 минут до дома Хан Уджу мы шли по прогулочной дорожке.

Густые облака закрывали луну, и вокруг было особенно темно. Людей почти не было. В редких уличных фонарях роились мотыльки, кружась вокруг света. Из кустов доносились сверчки.

Тишина была комфортной, и ночной воздух был приятным. Пока мы молча шли, я почувствовал искоса брошенный взгляд. Хан Уджу вдруг протянул мне одну руку.

— Возьмись.

— ...Что?

— Возьмись за руку или за рукав. Ты же часто спотыкаешься.

— Когда это я спотыкался...

— Вчера чуть не упал, когда шел домой.

— Нет, тогда...

Я тогда плакал, поэтому плохо видел... Хан Уджу продолжал тревожно смотреть. Я неохотно схватился за его рукав и пошел. И снова воцарилась тишина. Затем мне пришло в голову кое-что спросить у Хан Уджу, и на этот раз я заговорил первым.

— Хан Уджу.

— Что?

— ... Случайно не ты оплатил больничный счет?

Он не ответил сразу. Даже отвел взгляд.

— Если уж на то пошло, то Ин Хасон оплатил.

— Я не видел Ин Хасона в больнице.

— Ты же получишь деньги от Ин Хасона. Позже.

— ...Так что, сегодня? Ты все-таки заплатил?

— Ну...

Я сомневался, но, кажется, это правда. Я слегка потянул за рукав. Хан Уджу не смотрел в мою сторону. Он что, игнорирует меня?

— Хан Уджу, что с тобой?

— Что?

— Почему ты так много делаешь для меня?

Он по-прежнему не смотрел в мою сторону. Молчал.

— Ты оплатил мой больничный счет, а сейчас мы идем к тебе домой.

— Больничный счет Ин Хасон...

— Нет, это не считается.

«.....»

Опять молчание. Он проигнорировал меня? Он не собирается отвечать? Когда я подумал об этом, Хан Уджу сказал:

— А ты почему так поступил?

— Что я сделал?

— Почему ты вмешался?

— Эй, это...

— Потому что друг? Ты всегда так вмешиваешься, когда начинается драка?

— Нет, не всегда...

— Тогда почему?

Это было просто рефлекторное действие... Я не мог найти другой причины. Мне говорили, что «если больно, то это всегда большие деньги», и я всю жизнь старался беречь свое тело. Я никогда не вмешивался в драки, если это не было необходимо. Обычно я бежал в учительскую,

чтобы позвать учителя. Но на этот раз я не успел даже подумать об этом.

...Что, почему я так поступил?

Я благодарен ему за то, что он приютил меня, и он дружелюбен, и я вспоминаю разные вещи, но все они не тянут на истинную причину. В конце концов, я ответил чем-то неопределенным:

— Честно... не знаю.

Снова тишина. Хан Уджу, казалось, о чем-то думал, и я не стал его торопить. Так мы шли и шли, пока не добрались до дома. И Хан Уджу сказал:

— Я тоже не знаю.

— Что?

— То, что ты спрашивал. Я тоже не знаю.

Хан Уджу достал ключ-карту. Вход в дом открылся, и Хан Уджу вошел. Я почему-то почувствовал, как в глубине души что-то затрепетало, и остался стоять на месте.

Неопознанное трепетание длилось недолго. Дверь дома закрылась. Я, ахнув, помахал одной рукой, постучал в дверь, позвал Хан Уджу и громко попросил открыть дверь.

Хан Уджу безмятежно моргал глазами, наблюдая за моим представлением. Он открыл дверь только после того, как я немного выругался. Я обиженно покосился на Хан Уджу.

И Хан Уджу рассмеялся. ...Ему нравится меня дразнить? Я был недоволен, но его смех был не так уж и плох, и мое настроение быстро улучшилось. Я поклялся, что в следующий раз, если он снова будет меня дразнить, я разозлюсь. Но не сейчас, а в следующий раз, в следующий раз...

<http://bllate.org/book/13870/1223266>